

работу на новый военный лад, не знающий пощады врагу». Принятие роли, предлагаемой Сталиным, влечет за собой обязательство активного участия в войне каждого отдельного человека, т. е. то, что ставилось Сталиным как основная задача. В дальнейшем именно личная инициатива каждого отдельного человека стала играть главную роль в жизни страны и наступило время частной инициативы граждан.

В дискурсе Сталина подчеркиваются положительные качества Мы-Группы и отрицательные качества Они-Группы, т. е. используется дискурсивная стратегия положительной саморепрезентации и диффамации врага.

Дискурс Сталина изобилует местоимением «Мы». Оно является средством объединения групп, спикера и аудитории, соединяя всех в одно целое. «Мы» объединяет аудиторию вокруг позитивного имиджа советского правительства и советского народа в целом. Тон в данном дискурсе можно охарактеризовать как серьезный, обращение выдержано в простом и понятном стиле, что создает впечатление прямоты и откровенности.

Таким образом, апелляция к такому чувству, как патриотизм, создание собственной привлекательной роли для аудитории, интимизация являются основными стратегиями, которые наилучшим образом иллюстрируют то, как Сталин риторически пытается добиться поддержки у народа. Упор на всенародное единство вокруг идеи советской Родины станет устойчивым элементом идеологии на протяжении всего военного периода. Однако этому движению в сторону консенсуального правления, составлявшего наряду с национализмом и патриотизмом один из основных элементов национального согласия во время войны, предстояло закончиться с возвращением к миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология политики. — М., 1993.
2. Методология исследований политического дискурса / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой. Том 1. — Минск, 1998.

И. Р. Чикалова

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка (Минск)

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СМЕЩЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ

За последние пятнадцать лет на постсоветском пространстве произошло заметное обновление методологической базы и тематической направленности исследований, открылись перспективы для расширения исследовательского поля за счет подключения новых дискурсов, в том числе феминистского и гендерного. Решающее значение для смены научных парадигм имело утверждение в социологической мысли ряда новаторских теорий и подходов: теории социализации Т. Парсонса и Р. Бейлса; социально-конструктивистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана [1]; этнометодологии Г. Гарфинкеля [3] и драматургического интеракционизма И. Гофмана [2]. Они и легли в основу теории гендера, развитие которой поставило под сомнение прежние представления о поле и «естественности» различий между мужчинами и женщинами. В качестве ее инструмента выступила гендерная методология. Таким образом, начиная с 1980-х годов, гендер (социокультурный пол) становится одной из центральных категорий изучения в социальных и гуманитарных науках. При всей множественности и дискуссионности описаний и определений гендера смысл этого понятия заключается прежде всего в идее социального конструирования, в непрерывности самого процесса «делания» гендера в сложных контекстах возраста, расы и сексуальной ориентации» [4]. Понимание гендера в рамках теории социального конструктивизма может выглядеть следующим образом: *«Гендер — это результат и сама система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка».*

Концептуализация категории гендера привела к возникновению в 1990-е годы новой субдисциплины — *гендерных исследований*. Получив толчок для своего развития прежде всего от *женских исследований* (заявивших о себе в академической среде двадцатью годами ранее), они переместили акцент с изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата на исследование более широкого социального контекста — на анализ *гендерной системы*. С этого момента категория гендера получила статус, равнозначный по значимости давно утвердившимся на исследовательском научном поле категориям «класс» и «этнос», и начинаются собственно *гендерные исследования*, включившие в сферу своего исследовательского интереса также проблемы социального конструирования *маскулинности, феминности и сексуальности*. Гендерные исследования, выступившие в качестве новой междисциплинарной научной области, *реализуют возможности, связанные с использованием гендерного подхода для анализа властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в рамках политических, экономических, правовых, гражданских институтов,*

внутри социальных групп, на межгрупповом и межличностном уровнях. Под влиянием ранее периферийных, теперь вышедших из невидимости областей — «исследований мужчин», «квир исследований» — произошло перенесение акцента с исследования положения женщин на механизмы функционирования властного дискурса как такового. Власть носит «распыленный», капиллярный характер (в терминологии Фуко) и реализуется повсюду, включая уровень «микропрактик» повседневной жизни «с постоянно меняющимися конфигурациями отношений господства и подчинения» [5, с. 116]. В этом свете изучение неравноправного положения женщин предстает только в качестве частного случая функционирования гендерной системы в целом. Теория гендера и гендерных отношений может рассматриваться в качестве важной части социальной теории.

Поскольку современные гуманитарные и социальные исследования развиваются по пути междисциплинарности, заимствуя друг у друга и тематику, и подходы, и применяемый инструментарий, посмотрим, какие вопросы под влиянием развития гендерной теории сегодня выносятся на повестку дня областей, продуцирующих знание о человеке и обществе.

Область социологии особенно важна в плане рассматриваемой темы, так как именно социология предоставляет историку весь необходимый понятийный аппарат, и в рамках этой дисциплины происходит его концептуализация. Среди наиболее крупных вопросов и проблем исследования в социологии помимо концептуализации самой категории *гендера*, о чем шла речь выше, можно назвать следующие. Во-первых, выделение нескольких уровней проявления гендерных отношений. Во-вторых, постановка и ответ на вопрос о том, кто является субъектом гендерных отношений на каждом из уровней их проявления. В-третьих, постановка вопроса и исследование, в каких случаях гендерные группы и их отдельные представители переходят с позиций субъектов в позиции объектов гендерных отношений. В-четвертых, постановка вопроса и изучение гендерных стереотипов и гендерных контрактов. В-пятых, исследование феноменов гендерного неравенства в профессиональной сфере (например, «горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация»). В-шестых, постановка вопроса о характере распределения ролей и власти в межличностных отношениях. В-седьмых, изучение форм проявлений гендерных идеологий, гендерных представлений, гендерных стереотипов и гендерных установок в различных социальных средах. В-восьмых, исследование гендерной идентичности и проявлений ее кризисов. Наконец, выделение категорий *маскулинности и феминности*; рассмотрение форм сексуальности, выступающих не в качестве природных свойств, а социокультурных конструктов, изучение форм их проявлений. Благодаря выдвиганию и изучению названных тем и вопросов состоялось оформление гендерной теории в рамках социологии.

Таким образом, было обосновано, что гендерные отношения проявляются на нескольких уровнях, и в зависимости от уровня в качестве их субъектов могут выступать отдельные мужчины и женщины (микроуровень), группы мужчин и группы женщин (мезоуровень), государство, с одной стороны, группы женщин и мужчин — с другой (макроуровень). В зависимости от уровня изменяются формы и содержание гендерных отношений их участников. Так, на микроуровне специфика гендерных отношений находит выражение в распределении ролей и власти в межличностных отношениях, которые наиболее явно проявляются внутри семьи. На мезоуровне выявляются гендерные взаимодействия внутри локальных политических, профессиональных, социальных и иных структур, а формой их проявлений выступает феномен гендерного неравенства в различных сферах или, наоборот, стремление к достижению гендерного паритета. На макроуровне гендерные отношения охватывают область специальной политики государства по отношению к гендерным группам, разворачиваются в политическом и социально-экономическом контексте, характерном для определенного периода развития общества. Они задаются доминирующей в обществе гендерной идеологией, с одной стороны, социальными ролями групп женщин и мужчин как членов общества — с другой. На этом уровне основная активность исходит со стороны государства, гендерные группы и их отдельные представители чаще занимают позиции не субъектов, а объектов гендерной политики. Все уровни гендерных отношений, содержание и формы их проявлений могут выступать в качестве отдельных объектов научного исследования — и в том числе исторического.

В последние десятилетия наметился ряд широко обсуждаемых проблем внутри *экономической теории*: проблема измерения и оценки неоплаченного (домашнего) труда; проблема внутрисемейного распределения доходов, ресурсов, труда и распределение властных полномочий внутри семьи; доступ женщин в условиях глобализации к образованию, экономическим рычагам и ресурсам; гендерные процессы на рынке труда (женская и мужская занятость, соотношение в доходах и оплате труда); доступ к ресурсам, кредиту, экономической информации. Благодаря исследованиям последних лет стало очевидным, что гендерное неравенство воспроизводится на уровне экономического механизма даже в тех странах, где декларировано политическое, юридическое и гражданское равноправие мужчин и женщин. Сегрегация женщин в общественном производстве проявляется путем создания внутри «мужских профессий» менее престижных «женских специальностей», или «женских работ». Как правило, женщинам достаются работы, которые не притягивают мужчин, и они занимают освобожденные ими рабочие места. Большая часть женщин занята на работах без больших перспектив роста по службе, а высокий уровень феминизации профессии часто является четким индикатором ее низкого социального престижа.

Кроме того, широко распространилась точка зрения, что неоплаченный труд, домашние обязанности должны быть включены в экономический анализ. Инкорпорировать индивидуума (женщину или мужчину) в экономическую теорию — означает признать вне рыночную (домашнюю) активность в качестве легитимного экономического вклада. Имеется прямая взаимозависимость между рыночной и домашней сферами деятельности. Существует также порочный круг, воспроизводящий социальное неравенство: поглощенность домашними обязанностями ограничивает возможности индивидуума на рынке труда и обуславливает более низкую заработную плату. Это в свою очередь закрепляет сложившееся разделение труда внутри семьи. Гендерный подход в качестве методологической основы в сфере экономической теории помогает понять, что сложившееся разделение труда между полами/гендерами и возникающее вследствие него экономическое неравенство обусловлено характерными для данного общества гендерными ролями и гендерными стереотипами. Однако сравнительные исследования большого числа существовавших когда-либо культур говорят о значительных различиях в распределении экономических ролей и сфер деятельности между полами/гендерами. Домашний труд изначально не был связан непосредственно с дискриминацией и угнетением. Эта связь возникла позднее, когда домашняя сфера оказалась противопоставленной рыночной, превратилась в маргинальную, социально незначимую и целиком «переданную на освящение» женщинам [6].

Многолетние дискуссии в *политической теории* о природе политического могут быть описаны тремя вопросами. Каким образом складывается *поле/территория* политической деятельности, или, «что лежит в основе классификации социальных явлений/институтов на политические и неполитические? Как происходит формирование субъекта политической деятельности или какова динамика отношений между институтами/аппаратами власти и конкретными личностями? Как определяется социально-историческое содержание политической деятельности или как из общего социокультурного контекста происходит вычленение политически значимых «точек приложения» власти» [5, с. 108]?

Для политической науки в рассматриваемом контексте центральной стала деконструкция подхода к определению понятий политической территории и политики. В политологии практически безальтернативно политика определялась как целенаправленная деятельность, ограниченная рамками *особой* публичной сферы, в которой и происходит принятие решений. Это традиционное определение *политики* и было поставлено под сомнение. Поскольку в патриархальном обществе отчетливо разделенные между собой *публичная* и *вторичная* по отношению к ней *приватная* сферы являлись/ются основными территориями жизни и само/реализации мужчин и женщин, на первый план вышла проблема взаимодействия между ними, что потребовало более точно определить понятие территории политических действий — является ли ею только публичная сфера, или же сфера приватного тоже может рассматриваться в качестве таковой. Так, К. Миллет в своей уже классической работе *Сексуальная политика* предложила перенести акцент в определении *политики* на взаимоотношения, основанные на власти, «посредством которой одна группа людей контролируется другой» [7]. Важной для нашей темы здесь является мысль о том, что этот контроль распространяется как на область *публичного*, так и на сферу *приватного*. Миллет развивает тезис о том, что отношения между полами являются не просто *политическими*, но *сексуально-политическими* в том смысле, что власть мужчин над женщинами основана на различии полов. Монополизация мужчинами ключевых позиций в политико-властных структурах является только одним, хотя и наиболее очевидным, проявлением этой власти. Но именно разделение человеческой жизни на сферы *публичную* и *приватную*, с одной стороны, закрепляет сегодня мужское доминирование в обществе, с другой — продолжает существовать из-за асимметричных отношений власти и подчинения, утвердившихся между полами, и в результате оно именно «необходимо», чтобы скрыть эти самые властные взаимозависимости [8].

Таким образом, понятие *политика* стало трактоваться значительно шире — как всякие действия в сфере современной социальной и культурной жизни, направленные на трансформацию традиционного общества. Кроме того, была существенно расширена сама политическая повестка: проблемы, прежде рассматривавшиеся исключительно в качестве «приватных» — репродуктивные права, аборт, забота о детях, внутрисемейное распределение труда, насилие, сексуальное домогательство и преследование, сексуальная ориентация — стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий.

Помимо решения теоретических вопросов, была проделана большая работа по исследованию практических форм политического участия групп меньшинств, несущих в себе комбинированные характеристики — гендер, возраст, сексуальность, физические возможности — включая молодежь, женщин, сексуальные меньшинства, людей с ограниченными возможностями, пожилых людей — от зарождения самих движений, представительства (в частности, женщин) в национальных и местных законодательных и исполнительных органах, политических движениях и партиях и до влияния на результаты политики. Безусловно, в этом плане больше повезло женщинам как гендерной группе: помимо упомянутых вопросов, исследовались специфика вклада женщин-лидеров в общественную политику и степень его отличия от мужского; различия в значимых для женщин проблемах, которые выдвигают политики-руководители и их коллеги мужчины; насколько решение специфически женских проблем улучшает социальную ситуацию в обществе в целом; используют ли женщины власть иначе, чем мужчины; отличаются ли стили лидерства женщин и мужчин; имеются ли условия и какие, при которых гендерные

различия в лидерстве усиливаются и влияют на общественную политику, и наоборот, возможные различия стираются [9].

Существует прямая связь между *языком* и *гендером*. Особая заслуга в открытии этой связи принадлежит постмодернизму, который открыто признал, что текст не отображает существующую реальность, а творит новую, и эти реальности не зависят друг от друга, а отношение человека к действительности опосредуется дискурсивной практикой. Понятие *дискурс* благодаря этому открытию стало актуальным не только для специалистов в области языка и языкового употребления, но и гуманитариев. Произошел лингвистический поворот в социальных науках, основной составляющей которого стало признание исследователями дискурсивного характера мышления, и необходимость анализировать его в общей картине гуманитарного знания.

Постструктурализм с его утверждением о том, что за всеми культурными продуктами и мыслительными схемами стоит *язык власти* и *власть языка*, стал еще одним философским направлением, значительно повлиявшим на концептуальную базу критической лингвистики, основной целью которой стал анализ как очевидных, так и неявных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. Собственно говоря, эти цели критической лингвистики совпали с целями собственно феминистской лингвистики, которая имеет своим исследовательским интересом, как и в первом случае, разоблачение неравенства и несправедливости, но — с артикуляцией на проблеме пола, т. е. языкового неравенства женщин и мужчин.

Таким образом, в языковом функционировании кодируется властная гендерная асимметрия; язык может выступать в качестве дополнительного фактора дискриминации гендерных групп. В отношении женщин фактически, как пишет украинская исследовательница А. Толстокорова, происходит их маргинализация средствами языка, «вытеснение женского на периферию языкового функционирования, а следовательно, и языкового сознания, что приводит к восприятию женской личности обществом как второстепенной, не имеющей самостоятельного значения» [10]. Например, в русском языке во многих случаях просто не существует женского рода для определения профессии: педагог, хирург, педиатр, офтальмолог, теоретик, социолог, языковед, офицер. В ряде случаев женский род в наименовании профессий и званий является производным от мужского, часто привносит оттенок шутливо-иронический: физик — физица, химик — химица, историк — историца, врач — врачиха, доктор — докторша, профессор — профессорша, генерал — генеральша (что еще может пониматься как жена профессора, генерала).

Исследования различных языковых культур показывают, что дискриминация в языке может проявляться в трех основных формах: игнорирование; стереотипизация; недооценивание/обесценивание. Подобные исследования на примере германо-романских языков активно проводятся, на базе русского и украинского уже идут, на базе белорусского — им предстоит начаться. Критическая лингвистика трактует существующие гендерные асимметрии в языковой системе как проявление *языкового сексизма*, для преодоления которого предлагаются специальные меры по коррекции андроцентричного, патриархатного дискурса.

Трудно представить вне гендерной проблематики *Cultural Studies* (*культурные исследования*). Для этого есть основания, связанные с особенностями развития этой области. Во-первых, в рамках культурных исследований — в отличие от институционализированной у нас культурологии — произошел отказ от бинарных оппозиций (высокая культура не противопоставляется массовой, духовная культура не отделена от материальной, элитарная не противопоставляется народной). Во-вторых, произошел отказ от негативных коннотаций термина «культурная индустрия», от оппозиции интеллектуала и массы, культуры и политики. В-третьих, в основу культурных исследований положены принципы мультикультурализма и различия. Поэтому опыт субкультур (в том числе маргинальных) и их исследование является значимым: культура не обязательно лучшее из всего сказанного и сделанного человечеством, она не тождественна высокой культуре. Культура понимается скорее как процесс создания ценностей, как способ жизни, как совокупность практик, как социальный феномен, а не «сумма эстетических идеалов» и не «голос разума», который говорит от лица гипотетического универсального человека [12]. Культура обыденна (а не то, что считается высоким), и поэтому мы сами принимаем участие в ее создании и участвуем в ней жить, участвуя в повседневных практиках, формирующих наш образ мыслей — получаем образование (которое транслирует социальные стереотипы), учим родной язык (в который встроена властная гендерная асимметрия), получаем представление о мире труда, получая навыки и первые знания по поводу его разделения у своих родителей, приобретаем опыт межличностных отношений. Таким образом, культура выступает в качестве средства легитимации социального неравенства, но она же предлагает способы сопротивления и его преодоления. Исследователь культуры должен чутко улавливать, фиксировать и исследовать феномены, становясь на точку зрения «другого» и используя специфические и нетрадиционные методы. Например, качественные методы, которые опираются на такие источники, как свидетельства, авто- и биографии, устные истории; эмпирические методы в противобесспорном теоретическом моделях. В рамках культурных исследований происходит деконструкция «текста» полотна культуры, в том числе с точки зрения присутствия бинарных оппозиций мужского и женского в «тексте» визуальных образов произведений изобразительного искусства, театральной и кинопродукции. Методы, используемые специалистами этой области, полезны и для историка культуры.

Таким образом, гендерным исследованиям принадлежит особое место в обновлении гуманитарной науки. Олицетворяющие собой нишу, где возможно и приветствуется применение новейшего методологического арсенала, и являющиеся примером междисциплинарности, они становятся не просто востребованным проектом у историков, но активно способствуют преодолению кризиса научного жанра, связанного с невозможностью далее использовать устаревшие догмы и штампы, в том числе присущие исторической науке. В *гендерной истории* центральным предметом исследований выступает уже не столько «история женщин», сколько история властных взаимосвязей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, мужчинами и женщинами, женщинами и женщинами разных социально-классовых слоев с учетом сексуального статуса, расовой/этнической принадлежности и возраста, т. е. «диалогическая» история социальных отношений [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М., 1995.
2. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs. N. J.: Prentice-Hall, 1967.
3. Goffman E. Frame Analysis of Gender; Goffman E. Gender Display // C. Lemert and A. Branaham, eds., Goffman Reader. Oxford: Blackwell, 1997.
4. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социс. 2000, № 11. С. 19.
5. Ушакин С. Политическая теория феминизма: современные дебаты // Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб., 2001.
6. Hartmann H. Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // Signs. 1976. № 1.
7. Ушакин С. Политическая теория феминизма: современные дебаты // Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 108.
8. Millet K. Sexual Politics. London: Abacus. 1972. P. 23.
9. Чикалова И. Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 89.
10. Более подробный анализ тем и проблем, обсуждаемых в рамках политической теории, можно найти в моей статье «Гендерная проблематика в политической теории» и в статье С. Ушакина «Политическая теория феминизма: современные дебаты», опубликованных в книге: Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 80—146.
11. Толстокурова А. «Лингвистическое выражение» гендера: результаты и перспективы демократических реформ // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Минск, 2004. Вып. 3. С. 52.
12. Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования: Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 435.
13. Подробный анализ состоявшихся перемен имеется в статьях: Чикалова И. Женская и гендерная история на постсоветском пространстве // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. И. Р. Чикаловой. Минск, 2001. С. 5—18; Чикалова И. Субдисциплины гендерных исследований: женская и гендерная история // Иной взгляд: междисциплинарный альманах гендерных исследований / Ред. И. Чикалова. Минск, 2002. С. 25—28; Чикалова И. Р. Женская и гендерная история: состояние и перспективы развития // Общество и гендер. Рязань, 2003. С. 80—101. <http://www.gender-cent.gyazan.ru:8101/school/content.htm>; Пушкарева Н. Л. Как женщин сделали видимыми // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. И. Р. Чикаловой. Минск, 2001. С. 20—55.

О. Г. Шаврова

Белорусский государственный университет (Минск)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Обоснование философской герменевтики как одной из продуктивных исследовательских стратегий в области осмысления и конструктивной разработки вопросов социально-гуманитарного познания и философско-методологической рефлексии над его основаниями связано с принципиально новой трактовкой феномена понимания, интерпретация сущности которого осуществляется в данном направлении за пределами методологии.

Разработка В. Дильтеем концепции герменевтики в методологии исторического познания производится в контексте определения самостоятельности гуманитарных наук по отношению к естествознанию. В. Дильтей показывает, что герменевтическая проблема понимания явлений и отношений духовного мира требует отделения от причинно-следственных связей, которые господствуют в природе и подлежат изучению естественными науками. Понимание, осуществляющееся в гуманитарных науках, основано на переживании душевной связи: «Связь эта есть жизнь, которая налицо — до всякого познания» [1, с. 93]. Жизнь мыслится, как фундаментальный факт истории, при этом дух постигает и завершает себя именно в историческом постижении, которое рассматривается как способ самопознания. Герменевтика, осмысленная как постижение историчности, оказывается основой «наук о духе», так как